„NARODNAYA VOLA“

Sur la centralisation de la lutte révolutionnaire en Russie

Par M. D[illegible]

„НАРОДНАЯ ВОЛЯ“

О ЦЕНТРАЛИЗАЦІИ РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ ВЪ РОССІИ

(Отдѣльн. оттискъ изъ «Вольнаго Слова» №№ 37 и 38)

Какъ бы кто ни относился къ принципамъ и способамъ дѣйствія той части русскихъ революціонеровъ, которая имѣетъ своимъ органомъ «Народную Волю», — нельзя не признать за ней весьма серьезнаго значенія, какъ за группой чрезвычайно дѣятельной и при томъ какъ за самой въ настоящее время энергической изъ наличныхъ противуправительственныхъ силъ, которая уже одною своею энергіей привлекаетъ къ себѣ наиболѣе горячіе оппозиціонные элементы въ Россіи. И хотя литературное изложеніе политическихъ идей этой группы и всегда имѣло меньшее значеніе, чѣмъ практическая энергія ея дѣятельности, однакожъ, поддержанное этой энергіей, и оно способно оказывать обаятельное вліяніе на извѣстную часть общества, преимущественно на молодежь. Это обстоятельство заставляетъ обращать вниманіе на

политическія теоріи и планы, излагаемые на страницахъ «Народной Воли», какъ на такіе, которые въ значительной степени опредѣляютъ практическое направленіе дѣятельности извѣстнаго количества личностей, стремящихся къ устраненію существующаго порядка вещей въ Россіи и къ замѣнѣ его другимъ.

Съ этой точки зрѣнія нельзя пропустить безъ вниманія въ особенности двухъ статей послѣдняго, 8—9, № «Народной Воли», передовой и слѣдующей за ней, въ которыхъ названная газета излагаетъ, и при томъ съ не часто встрѣчающеюся въ русской революціонной печати послѣдняго времени ясностью, — свои соображенія относительно организаціи революціоннаго движенія въ Россіи и ближайшихъ плановъ партіи «Народной Воли».

Въ этомъ отношеніи особенно интересны слѣдующія слова изъ передовой статьи вышеупомянутаго №-ра:

«Теперь наша непосредственная задача — организація заговора, съ цѣлью ниспроверженія существующаго государственнаго строя.

«Въ настоящее время работа партіи «Нар. Воли» направлена главнымъ образомъ къ тому, чтобы соединить всѣ активно-протестующія силы, сплотить ихъ въ крѣпкую централистическую организацію, способную взять на себя инициативу возстанія въ рѣшительный моментъ, а до той поры — успѣшно вести заговорщическую дѣятельность, не смотря ни на какія преслѣдованія правительства. Успѣшное выполненіе этой задачи возможно при концентраціи боевыхъ силъ лишь въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ каждый шагъ приближалъ бы насъ

къ цѣли, каждое дѣйствіе имѣло бы значеніе въ ближайшемъ, а не въ отдаленномъ будущемъ. Потому-то мы и группируемъ активныя, сознательно-революціонныя силы въ правительственныхъ центрахъ, не исключая и окраинъ, по степени ихъ важности, и ведемъ организаціонную работу только среди тѣхъ элементовъ, которые примутъ непосредственное участіе въ самомъ переворотѣ.

«Необходимость такой постановки дѣла практически вытекаетъ, между прочимъ, изъ того, что деревенскія волненія, движенія съ окраинъ, безъ инсуррекціи въ административныхъ и промышленныхъ центрахъ, всегда немедленно подавляются и проходятъ почти безслѣдно для дѣла народнаго освобожденія. И невыгода этого способа будетъ постоянно возрастать, по мѣрѣ прогрессированія техническихъ усовершенствованій, которыми располагаетъ центральное правительство; между тѣмъ какъ самыя условія жизни народа отнимаютъ у него возможность организоваться для борьбы. Кромѣ того организація крестьянскихъ силъ не входитъ въ наши разсчеты, и хотя популяризація партіи, въ связи съ агитаціоннымъ значеніемъ террористическихъ фактовъ, расчистила намъ путь для прямаго дѣйствія среди народа, мы считаемъ необходимымъ направить свою дѣятельность въ эту сторону лишь на столько, чтобы уяснить народу истинный смыслъ нашихъ требованій, оградить крестьянскую среду отъ реакціонныхъ попытокъ враговъ народа въ моментъ возстанія, и тѣмъ самымъ обезпечить успѣшность и прочность переворота.»

Въ выписанныхъ до сихъ поръ словахъ столичный централизмъ нѣсколько затемняется оговоркою: «группируемъ активныя, сознательно-революціонныя силы въ правительственныхъ центрахъ, — не исключая и

окраинъ и т. д.», — но дальше, въ концѣ статьи, этотъ централизмъ выступаетъ во всей своей ясности. «Народная Воля» говоритъ прямо о «временномъ правительствѣ» своей партіи. При этомъ газета надѣется, что въ экономическомъ отношеніи роль этого временнаго правительства будетъ чисто формальная (мы бы сказали, даже и излишняя).

«Выгодное, — по словамъ «Н. В.» — соотношеніе политическихъ и экономическихъ факторовъ на русской почвѣ», состоящее въ томъ, будто бы, что «одновременно съ тѣмъ, какъ соціально-революціонная партія наноситъ удары правительственной власти, въ народѣ все болѣе и болѣе пробуждается ненависть къ привилегированнымъ, правящимъ сословіямъ и настойчивое стремленіе къ радикальному измѣненію экономическихъ отношеній», — выгодное соотношеніе это позволяетъ Н. В. надѣяться, что, «когда революціонная организація будетъ въ силахъ произвести политическій переворотъ, народъ съумѣетъ совершить революцію въ экономической сферѣ, и (тогда) захватившему власть временному революціонному правительству придется лишь санкціонировать экономическое равенство, отвоеванное народомъ у его вѣковыхъ угнетателей и эксплуататоровъ»... «Но если обстоятельства сложатся менѣе благопріятно, — продолжаетъ «Народная Воля», — въ такомъ случаѣ временное революціонное правительство рядомъ съ политическимъ освобожденіемъ народа, рядомъ съ установленіемъ новыхъ политическихъ учрежденій, производитъ экономическій переворотъ: уничтожаетъ право собственности на землю и на орудія крупнаго производства. Тогда на созванный Земскій Соборявятся истинные представители народа, освобожденные политически и экономически, и на

родная жизнь станетъ регулироваться неподтасованною народною волею».

Слѣдующая за передовою статья въ концѣ своемъ развиваетъ подобныя же мысли почти тѣми же словами, — при чемъ прибавляетъ и нѣсколько возраженій противъ стремленій децентрализаціонныхъ, которыя авторъ статьи отвергаетъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящую и ближайшія за нею минуты, заявляя рѣшительно, что «строго централистическій типъ организаціи на весь періодъ борьбы, до первой прочной побѣды революціи, мы считаемъ за наилучшій, единственно ведущій къ цѣли».

Возраженія по направленію противниковъ принципа централизаціи авторъ статьи дѣлаетъ въ такихъ словахъ:

«Нерѣдко говорятъ, будто партіи «Народной Воли» присуще пренебреженіе мѣстными особенностями русскихъ окраинъ, стремленіе подчинить остальныя народности великорусскому племени. Излишне доказывать, что народовольство, какъ соціалистическая партія, чуждо какихъ бы то ни было національныхъ пристрастій и считаетъ своими братьями и товарищами всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ, безъ различія происхожденія; что пользоваться племенной враждой, а тѣмъ болѣе раздувать ее—вовсе не входитъ въ наши планы, что мы не сдѣлаемъ подобнаго шага, какъ бы ни была велика ожидаемая отъ того временная выгода для партіи *).

*) Откладывая на продолженіе нашей статьи критику основныхъ положеній обѣихъ статей «Народной Воли», мы пока не можемъ не сдѣлать частныхъ замѣчаній относительно подробностей, подобныхъ послѣднимъ выписаннымъ строкамъ. Казалось бы излишне доказывать, что эти строки вовсе не

«Другая сторона національнаго вопроса касается будущаго способа существованія исторически (?!?) обособившихся народностей. Само собою разумѣется, что мы не отнимаемъ у такихъ народностей права на полную политичес-

---

опровергаютъ извѣстныхъ автору статьи замѣчаній относительно пренебреженія русскихъ революціонеровъ къ особенностямъ русскихъ окраинъ, — которыя лучше было бы называть невеликорусскими областями Россіи. Замѣчанія эти вовсе не приписываютъ русскимъ (великорусскимъ) революціонерамъ вообще, а народовольцамъ въ частности, — намѣренія «пользоваться племенной враждой, а тѣмъ болѣе раздувать ее» (хотя подобный упрекъ можно бы было сдѣлать по поводу недостаточно обдуманной прокламаціи Н. К. къ украинскому народу по случаю противуеврейскихъ безпорядковъ). Русскимъ революціонерамъ только замѣчали, что исключительно великорусская окраска ихъ дѣятельности осуждала ее на безпочвенность по всѣмъ невеликорусскимъ областямъ, которыя составляютъ почти половину Европейской Россіи съ Кавказомъ, и оставляла благопріятныя для политическаго и соціальнаго переворота силы невеликорусскихъ провинцій безъ пробужденія и безъ утилизаціи. Такая исключительность, — столько же несправедливая, между прочимъ потому, что ряды русскихъ революціонеровъ состоятъ на добрую долю изъ овеликорушенныхъ усиліями правительства представителей невеликорусскихъ краевъ, сколько и неблагопріятная для хода революціоннаго дѣла въ Россіи, должна усиливаться по мѣрѣ централизаціи революціоннаго дѣла въ столицахъ, которыя лежатъ въ области великорусской. Затѣмъ, какъ отнесется масса этой области и ея представители, напр., въ всероссійскомъ Земскомъ Соборѣ, а равно и то правительство, которое бы этотъ Соборъ установилъ, какъ отнесутся они къ автономнымъ стремленіямъ «окраинныхъ» народовъ, — за это врядъ ли могутъ ручаться нынѣшніе «народовольцы». Защитники національной

кую независимость, оставляя на ихъ добрую волю стать въ тѣ или другія отношенія къ остальнымъ (?) національностямъ.

«Но мы утверждаемъ, что противъ общаго врага должны быть направлены соединенныя, дружныя усилія всѣхъ составныхъ частей государства; разъединеніе въ борьбѣ ослабитъ наши силы и отдалитъ побѣду. Мы настаиваемъ также на томъ, что торжество революціонныхъ и соціалистическихъ принциповъ упрочится только при томъ условіи, если общими силами будетъ произведена не одна дезорганизаціонная, разрушительная работа, но и созидательная, т. е. если учредительная дѣятельность о б щ е - р у с с к а г о Земскаго Собора, который займетъ мѣсто временнаго революціоннаго правительства, распространится на территорію всего государства. Только (!) послѣ закрѣпленія революціонныхъ пріобрѣтеній, послѣ твердой установки общихъ (?) основъ новаго строя, отдѣльнымъ народностямъ должно быть предоставлено право *) опредѣлить свою политическую связь съ цѣлымъ (?!) государствомъ. Иначе темныя реакціонныя силы, навѣрное, найдутъ свою Вандею, откуда откроютъ походъ противъ расчлененной революціи».

Не трудно представить себѣ тотъ путь, какимъ наиболѣе активная часть русскихъ революціонеровъ пришла къ изложеннымъ выше централистическимъ идеямъ послѣ не

равноправности и автономіи областей имѣютъ только основанія смотрѣть съ нѣкоторымъ безпокойствомъ въ будущее, и тѣмъ болѣе, что, особенно въ послѣднее время, даже и революціонеры великорусскіе не обнаруживаютъ замѣтной симпатіи къ началу областной автономіи и по меньшей мѣрѣ щадятъ предразсудокъ единства и недѣлимости Россіи, если не прямо его поддерживаютъ.

*) Вотъ тебѣ и «не отнимаемъ права» и проч.!

очень давно бывшихъ въ ходу въ ихъ средѣ идей анархическихъ и федеральныхъ, и опредѣлить тѣ иностранные политическіе элементы, которые способствовали окончательной формулировкѣ вышеизложенныхъ соображеній сотрудниковъ «Народной Воли». Оставивъ даже въ сторонѣ неизбѣжное вліяніе и на революціонную среду традицій того государства, въ которомъ она образовалась и дѣйствуетъ, — мы видимъ, что въ поддержку центростремительнаго теченія въ русской революціонной средѣ должны были дѣйствовать условія политической жизни въ Россіи, дѣлающія крайне затруднительную всякую, такъ сказать, парламентарную сторону революціоннаго движенія и склоняющія революціонеровъ въ сторону тѣсныхъ конспираній и даже диктатуры. Преимущественно же «террористическое» направленіе, какое имѣла въ послѣднее время,—тоже подъ вліяніемъ россійскихъ условій,—дѣятельность группы «народовольцевъ», должно была тѣмъ болѣе склонять ихъ мысли въ сторону централизаціи. Прибавьте къ этому вліяніе примѣровъ французской революціи 1792—93 гг., а также идеаловъ нѣмецкихъ соціаль-демократовъ, сложившихся въ то время, когда Германія стремилась къ политической централизаціи, и вы легко себѣ объясните происхожденіе тѣхъ словъ петербургской революціонной газеты, которыя мы выше выписали.

Но, будучи такимъ образомъ вполнѣ естественными, при данныхъ обстоятельствахъ,

эти слова, которыя, конечно, сопровождаются и будутъ сопровождаться извѣстными дѣйствіями, заключаютъ въ себѣ, по нашему глубокому убѣжденію, сѣмена явленій крайне гибельныхъ прежде всего для самихъ революціонныхъ элементовъ въ Россіи, а за тѣмъ и для всей страны этой. Въ централистическихъ тенденціяхъ, выразившихся въ выписанныхъ словахъ «Н. В.» мы усматриваемъ одинъ изъ признаковъ въ поддержку того опасенія, какое мы не разъ высказывали, — между прочимъ, и на страницахъ «Вольнаго Слова», — опасенія за то, какъ бы теперешнее броженіе въ Россіи и могущее послѣдовать за нимъ болѣе широкое революціонное движеніе не окончились и здѣсь такъ же мало соотвѣтственными тратѣ силъ результатами, какими кончилась великая французская революція, послѣ того какъ въ ней одержало верхъ теченіе централизаціонно-якобинское, у котораго пора бы даже отнять самое названіе революціоннаго, такъ какъ оно было собственно уже началомъ контръ-революціи, кончившейся установленіемъ бонапартизма *).

*) Если подъ словомъ — революція разумѣть главнымъ образомъ извѣстное проявленіе энергіи къ ниспроверженію даннаго порядка и къ установленію другаго, то якобинизмъ будетъ, конечно, сугубо-революціоннымъ; но если имя революціоннаго движенія давать только движенію прогрессивному, устанавливающему порядокъ дѣйствительно новый по формѣ и идеямъ, — то изъ всѣхъ политическихъ теченій своего времени якобинство будетъ наименѣе

Прежде чѣмъ приступить къ критикѣ соображеній «Народной Воли» о централизаціи и децентрализаціи революціоннаго дѣла въ Россіи, мы должны разобрать, по необходимости кратко, соображенія «Н. В.» или, лучше сказать, ея упованія на счетъ возможности въ настоящую минуту одновременнаго завершенія въ Россіи переворота политическаго и соціально-экономическаго. Намъ эти упованія кажутся далеко не такъ основательными, какъ сотрудникамъ «Н. В.» Примѣры всего міра показываютъ, что даже при гораздо большей степени развитія и организаціи, чѣмъ та, на которой стоятъ чернорабочія массы въ Россіи, народы еще до сихъ поръ не сдѣлали столь радикальныхъ переворотовъ соціально-экономическаго порядка, какъ переворотъ, ожидаемый «Н. Волей». Конечно, крестьяне въ Россіи толкуютъ теперь о всеобщемъ передѣлѣ земли, но мысль объ этомъ передѣлѣ обставляется у нихъ крайне фантастическими подробностями и въ большинствѣ мѣстностей выражается въ ожиданіи передѣла по указу царя,—такъ что отъ этой мысли до дѣйствительнаго передѣла, а тѣмъ болѣе до отмѣны частной собственности

революціоннымъ, такъ какъ оно установило порядокъ наименѣе отличный по существу своему отъ системы бюрократической централизаціи и диктатуры, которая существовала и въ старомъ королевствѣ. Съ этой стороны не только республиканскій федерализмъ, но и конституціонно-монархическій либерализмъ были гораздо болѣе революціонны, чѣмъ якобинство.

въ землѣ и фабрикахъ и до организаціи народнаго хозяйства по идеалу соціалистовъ (безъ чего экономическое неравенство тотчасъ же возстанавливается) еще очень и очень далеко. Собственно, мысль о всеобщемъ передѣлѣ земли и не нова въ россійской крестьянской средѣ. Уже во время эмансипаціи крестьянъ въ 60-е годы въ этой средѣ ходили ожиданія и слухи о «новой волѣ», о «настоящей волѣ», «царскомъ выкупѣ», «слушномъ часѣ» и т. д., — и что же? Быть можетъ, именно потому, что эти чаянія связывались съ вѣрою въ сигналъ и указъ отъ царя и вообще со стороны, — они не получили ровно никакого реальнаго политическаго значенія, а остались только какъ примѣры крестьянскихъ политическихъ суевѣрій. Теперь экономическія отношенія въ Россіи нѣсколько обострились, — хотя, съ другой стороны, въ поддержку принципа собственности приготовился извѣстный класъ крестьянъ-личныхъ собственниковъ,—но и теперь мечты крестьянъ о всеобщемъ передѣлѣ могли бы получить широкое политическое значеніе только въ томъ случаѣ, если бы изъ нихъ можно было удалить всякія надежды на царя (русскаго, или китайскаго!), замѣнивъ ихъ мыслью о собственной иниціативѣ. Не видно, чтобъ эта послѣдняя мысль вырабатывалась самими крестьянами въ Россіи (особенно въ центральной) въ широкихъ размѣрахъ; образованныхъ же пропагандистовъ этой мысли слишкомъ мало въ Россіи, и именно трудность

для нихъ доступа до народной массы, при теперешнемъ политическомъ строѣ Россіи, и была одною изъ главныхъ причинъ, которыя обратили соціалистовъ этой страны на путь борьбы за политическую свободу. Очевидно, что если въ Россіи теперь и можно (по нашему, должно) ждать народныхъ волненій, то вовсе не такихъ, которыя бы были въ состояніи радикально измѣнить соціально-экономическій строй такъ, какъ онъ еще не измѣненъ нигдѣ, — а только такихъ, какія были, напр., во время великой французской революціи, — которыя пугали правительство, дезорганизовывали господствующую политическую систему и облегчали возможность наиболѣе организованнымъ политическимъ элементамъ, ей противнымъ, захватывать власть, между прочимъ и для того, чтобы «возстановить порядокъ». Подобное значеніе уже начинаютъ имѣть нынѣшніе «противуеврейскіе безпорядки» на югѣ Россіи, которые должны бы, кажется, показать, что при настоящей степени развитія и организаціи народныхъ массъ въ Россіи, возстанія ихъ могутъ имѣть только отрицательное значеніе и при томъ далеко не радикальное. А еще не слѣдуетъ забывать, что противуеврейскія волненія происходятъ въ странѣ, въ которой крестьянскія массы наименѣе забиты вѣковымъ крѣпостнымъ нравомъ и наименѣе воспитаны преданіями монархической исторіи, черезъ которую прошли массы областей бывшаго московскаго государства!

Во всякомъ же случаѣ, если бы въ областяхъ Россіи и дошло до поголовныхъ возстаній крестьянъ съ захватомъ земель и фабрикъ, то трудно понять, для чего бы была нужна тогда санкція центральнаго революціоннаго временнаго правительства? Если бы же такого захвата не произошло, то никакой декретъ временнаго правительства не въ состояніи его предписать, такъ какъ вообще радикальныя перемѣны быта и понятій декретами производиться не могутъ *). Для этого нѣтъ силъ даже у правительствъ постоянныхъ, а тѣмъ болѣе у временныхъ. У временнаго же революціоннаго правительства въ Россіи, опирающагося только на центры, т. е. на столицы, — допустивъ даже, что оно будетъ имѣть на своей сторонѣ все фабрично-рабочее населеніе столицъ и даже часть арміи (т. е. въ столицахъ гвардіи!!), — у такого временнаго правительства въ Россіи не можетъ быть силы не только навязать всему населенію Россіи радикальную экономическую перемѣну, но даже, — говоря языкомъ «Народной Воли», — «уяснить народу истинный смыслъ требованій революціонеровъ и оградить крестьянскую среду (т. е. всю Россію) отъ реакціонныхъ попытокъ враговъ народа». Чтобъ не обольщаться подобными мечтами, достаточно только вспомнить цифры населенія

*) Предположенія о такой возможности принадлежатъ тоже къ числу политическихъ суевѣрій, которыя на этотъ разъ особенно распространены въ бюрократическихъ классахъ.

столицъ въ Россіи сравнительно съ населеніемъ всей страны.

На основаніи всего сказаннаго, мы думаемъ, что тѣ соціалисты въ Россіи, которые пришли ужъ къ мысли о необходимости политическаго переворота для болѣе успѣшнаго направленія и дѣла переворота соціально-экономическаго, поступили бы наиблагоразумнѣе, если бы и не обольщались надеждами на возможность одновременнаго исхода обоихъ переворотовъ, а тѣмъ болѣе мечтами о возможности направлять ходъ соціально-экономическаго переворота мѣропріятіями центральныхъ временныхъ правительствъ (декретами, комиссарами и т. п. подражаніями способамъ дѣйствій консервативной бюрократіи), а направили бы свои усилія къ тому, чтобъ способствовать, по крайней мѣрѣ, произведенію дѣйствительнаго политическаго переворота, т. е. установленію дѣйствительной политической свободы, которая бы дала возможность и будущей организаціи чернорабочихъ массъ, городскихъ и сельскихъ, и союзу съ ними образованныхъ соціалистовъ. Такая свобода дается только ослабленіемъ централистической государственной в л а с т и, разрушеніемъ ея бюрократической машины и установленіемъ учрежденій, обезпечивающихъ права лицъ и группъ и самоуправленіе общинъ и областей, а вовсе не перемѣнами центральныхъ государственныхъ учрежденій изъ царскихъ на парламентскія, хотя бы даже и въ республиканскія, тѣмъ болѣе, что такія перемѣны —

съ сохраненіемъ машины власти — рѣдко удерживаются въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ устанавливаютъ центральныя революціи и что почти всегда сохраненная или даже усовершенствованная революціей централизованная машина власти въ самомъ непродолжительномъ времени поворачивается противъ революціи.

Конечно, стать на рекомендуемую нами точку зрѣнія на дѣло политическаго и соціальнаго переворота въ Россіи — значитъ признать взгляды, къ которымъ въ русскихъ революціонныхъ, и даже вообще въ радикальныхъ кругахъ привыкли прикладывать малопочетную кличку «постепеновства», которое приравнивали, совершенно несправедливо, къ щедринскому: «погодить!» Но что же дѣлать, если исторія говоритъ громко въ пользу того, что люди совешенствуются только въ извѣстной постепенности? Вѣдь и самое обращеніе значительной части русскихъ соціалистовъ, и при томъ наиболѣе активной ихъ части, отъ прежняго «чистаго соціализма» къ борьбѣ за пріобрѣтеніе политической свободы есть ни что иное, какъ признаніе этой постепенности. Надо же быть логичнымъ до конца и признать, что для нашего времени, для т. н. народнаго дѣла выигрышъ будетъ большій, если Россія получитъ хоть о д н у эту политическую свободу, которая обезпечитъ за всѣмъ населеніемъ элементарныя человѣческія права и дастъ друзьямъ массъ народа возможность

систематическаго труда для ихъ блага *).

Централизація же и свобода — вещи, взаимно другъ друга исключающія. Заявленія, въ родѣ тѣхъ, какія теперь читаемъ въ «Народной Волѣ», — что централизація необходима «въ первый моментъ революціонной борьбы, до пріобрѣтенія прочныхъ результатовъ» и т. п., — ни что иное, какъ или софизмы, которыми тѣ элементы, какимъ и теперь, и впослѣдствіи выгодна централизація, загораживаютъ уста тѣмъ элементамъ, какимъ и теперь, и впослѣдствіи она невыгодна, — или же самообманъ тѣхъ лицъ, которыя думаютъ, что ходъ исторіи можетъ быть удержанъ ихъ благими личными намѣреніями.

Всякое явленіе, разъ сложившись, стремится упрочиться и въ настоящемъ и въ будущемъ. Нигдѣ еще власть, централизація,—съ бюрократіей и арміей, безъ которыхъ она немыслима, — не подняла рукъ на себя. Всѣ перемѣны, какія по этой части представляетъ намъ исторія, даже исторія революцій, состоятъ въ томъ, что сохраненная, или новообразованная машина централизованной власти переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія, напр., изъ рукъ короля въ руки какого нибудь комитета, потомъ въ руки диктатора

*) Желательному постепеновству, — которое вовсе не исключаетъ ни энергіи, ни самоотверженія, — соотвѣтствовало бы и перенесеніе точки опоры политическаго и соціальнаго движенія въ Россіи съ чувства и вѣры на науку и разсчетъ и съ «дѣтей» на «отцовъ».

и т, п. Въ Россіи же централизація, даже революціонная, тѣмъ опаснѣе для дѣла свободы, что въ этой странѣ, при неразвитости массы, всего скорѣе можно опасаться диктатуры вполнѣ реакціонной, даже послѣ временнаго успѣха революціи прогрессивной. А потому въ Россіи всякаго рода прогрессисты, а особенно соціалисты, должны бы стараться подорвать принципъ власти и централизаціи и въ практикѣ, и въ теоріи и основывать всѣ свои планы и дѣйствія и до, и во время, и послѣ переворота на принципѣ противоположномъ: — децентрализаціи и федераціи.

Мнѣніе, будто федерація ослабляетъ силу какого бы то ни было движенія, разъединяя его, — совершенно невѣрно, равно какъ и мнѣніе, будто централизація сама по себѣ составляетъ силу и даже единство. Сила и единство дается центральной власти только повиновеніемъ или сочувствіемъ областей, при чемъ въ горячее время бываетъ недостаточно даже одного повиновенія. Примѣръ этому мы видимъ на теперешнемъ положеніи русскаго правительства, которое, кажется, довольно централизовано, а однако жъ не въ состояніи не только сдѣлать что либо положительное (властью вообще положительнаго на свѣтѣ дѣлается очень мало), но не можетъ даже защитить своихъ собственныхъ агентовъ ни на окраинахъ, ни въ центрахъ. Круги же революціонные, даже имѣющіе въ виду образовать изъ себя правительственный

корпусъ, не могутъ претендовать на повиновеніе себѣ, а, слѣдовательно, должны разсчитывать главнымъ образомъ на сочувствіе къ себѣ*). Сочувствіе же это можетъ быть тѣмъ шире, чѣмъ ближе революціонеры станутъ къ разнообразнымъ элементамъ населенія, чѣмъ болѣе даже центральное революціонное правительство,—если оно окажется нужнымъ по ходу дѣлъ, или просто возникнетъ изъ этого хода, — чѣмъ болѣе оно образуется процессомъ федеративнымъ, снизу вверхъ, а не централизаціоннымъ, сверху внизъ. Вотъ почему въ революціяхъ, наиболѣе, казалось бы, безнадежныхъ, по первоначальной слабости возставшихъ элементовъ, торжество возстанія достигалось именно децентрализаціоннымъ и федеративнымъ путемъ: такимъ путемъ отбились отъ сильныхъ сосѣдей кантоны Швейцаріи, такъ освободилась отъ Испаніи федерація земель Голландіи, отъ Англіи Соединенные Штаты Сѣверной Америки, такъ одолѣли арміи Наполеона I провинціальные союзы (хунты) Испаніи и т. д. Любопытно, что даже въ наступательной войнѣ 1870—71 гг. все таки по своему федеральная Германія побѣдила строго единую Францію.

Именно централизація и ослабляетъ общественныя силы, принижая личную и областную инициативу, изолируя ближайшіе между собою элементы, заставляя ихъ ждать указа-

*) Мы не останавливаемся на томъ, что заблаговременное заявленіе претензій на такое повиновеніе можетъ только сдѣлать смѣшными претендентовъ.

ній отъ далекаго центра; именно централизація и разъединяетъ силы, порождаетъ несогласія, такъ какъ ей свойственно стремиться къ подведенію всѣхъ разнообразій подъ одинъ шаблонъ, возводить второстепенные вопросы въ первостепенные, смѣшивать средства и формы съ цѣлями и т. п.,—и тѣмъ вызывать раздраженіе между силами, которыя безъ того дѣйствовали бы въ одномъ направленіи. Всѣ сепаратизмы—порожденія централизаціи; всѣ несогласія между близкими по сущности и различными только по частностямъ партіями вызываются обыкновенно централизаціонными инстинктами партій, заставляющими ихъ выдавать свои частности за нѣчто общеобязательное. И замѣчательно, что эти централизаціонные инстинкты съ особенною силою пробуждаются въ централизованныхъ странахъ именно у правительствъ «временныхъ», которыя тотчасъ же по своемъ образованіи стремятся копировать (точно дѣти старичковъ) правительства старыя. (Изъ множества примѣровъ изъ исторіи французскихъ революцій укажемъ, напр., на отношеніе Гамбетты, — тогда что ни на есть радикала, — къ лигѣ южныхъ департаментовъ національной защиты въ 1870 г., которую, лигу, тогдашніе гамбетанцы объявили болѣе опасною для Франціи, чѣмъ сами пруссаки, потому только, что она сложилась, не дожидаясь приказа парижскаго временнаго правительства, и хотѣла сама и по своему собирать средства для борьбы съ пруссаками, при

чемъ вовсе не отказывалась предоставлять эти средства въ распоряженіе общаго же правительства Франціи, хотя бы и парижскаго, или его делегаціи въ Турѣ).

Кромѣ этихъ и подобныхъ общихъ соображеній, которыя говорятъ противъ централизаціонныхъ доктринъ сотрудниковъ «Народной Воли», частныя условія жизни въ Россіи не менѣе сильно свидѣтельствуютъ въ пользу непригодности именно въ этой странѣ централизаціи не только для упроченія и сохраненія свободы (что централизація, какъ *постоянная* система, несогласна съ свободой, это, кажется, *еще* думаютъ и петербургскіе «народовольцы»), но не годится и для рѣшительнаго приступа къ полученію свободы посредствомъ революціоннаго нападенія на теперешнее правительство.

Споръ нашъ съ «народовольцами» по этому вопросу, послѣ статей въ 8—9 № «Н. В.», значительно облегченъ тѣмъ, что въ этихъ статьяхъ вопросъ о борьбѣ съ правительствомъ поставленъ вовсе не на точку зрѣнія т. наз. *терроризма*, а на точку зрѣнія дѣйствительной *революціи*. «Терроризмъ»,—т. е. политическія убійства или, если кому угодно, казни (les exécutions, а не les assassinats), и дворцовые перевороты, можетъ быть, и требуютъ своего рода централизаціи (весьма, впрочемъ, ограниченной, тѣмъ болѣе, что въ такихъ дѣлахъ много значитъ иногда личная отвага и инціатива), —но, такъ какъ дѣйствіе такого терроризма

весьма поверхностно, то сторонникамъ существенныхъ перемѣнъ въ политическомъ строѣ собственно не зачѣмъ много и толковать о «терроризмѣ», особенно если онъ не проповѣдуется, какъ универсальная и, тѣмъ паче, единая мѣра, какъ это пробовали проповѣдывать нѣкоторыя прокламаціи и особенно заграничныя брошюры и статьи русскихъ революціонеровъ *). Въ разбираемыхъ нами статьяхъ «Народная Воля» говоритъ уже не о терроризмѣ, а объ организаціи прямаго и, конечно, широкаго нападенія на теперешнее правительство въ Россіи.

Вотъ тутъ то намъ и кажется, что въ новыя соображенія «Народной Воли» перенесено слишкомъ много конспираторско-централистическаго элемента изъ прежняго «террористическаго» круга идей ея друзей и что революціонно-централистическіе разсчеты «Н. В.» совсѣмъ не соображены съ реальными условіями Россіи. Врядъ ли мы очень ошибемся, если, на основаніи выписанныхъ выше (въ 37 № «В. С.») строкъ петербургской революціонной газеты, представимъ себѣ, что она предполагаетъ возможность организаціи въ Петербургѣ или въ Москвѣ чего то въ родѣ Парижской Коммуны 1871 г., болѣе

*) Очень важно, что уже Желябовъ во время своего процесса отрицалъ партіонное значеніе упомянутыхъ брошюръ, — а Сухановъ въ своей рѣчи, напечатанной въ 35 № «В. С.» сталъ на точку зрѣнія, вполнѣ отрицающую принципіальное значеніе терроризма. То же и въ рѣчи Исаева, напеч. въ 36 № «В. С.».

или менѣе соціалистической, только съ аттрибутами парижской же политической Коммуны 1792—93 гг., на которую бы опиралось революціонное правительство, господствующее не только надъ общиною (коммуною) столицы, но и надъ всею Россіей. Но къ сожалѣнію, или къ счастію, Петербургъ въ Россіи отнюдь не то, что Парижъ во Франціи, — не то, ни по числу населенія, абсолютному и относительному, ни по составу его (числу арміи, чиновниковъ и т. п.), ни по его характеру и степени развитія. Возстаніе петербургскаго пролетаріата (если бы онъ даже и способенъ былъ теперь возстать прямо противъ монархіи), не поддержанное возстаніями въ провинціяхъ, имѣло бы не больше практическаго значенія, кѣмъ и возстаніе въ любой деревнѣ. Если монархія подавитъ это возстаніе, — а для этого у нея достаточно силъ въ гвардіи, самой безнадежной, съ народно-революціонной точки зрѣнія, части россійскаго воинства,—и если при этомъ изничтожитъ хоть бы весь гражданскій элементъ населенія Петербурга, то остальная Россія, особенно Россія простонародная, врядъ ли и почувствуетъ ампутацію этого незначительнаго и въ добавокъ окруженнаго пустынями нароста на громадной и разнообразной по составу населенія страны *).

Очевидно, что столично-центральное воз-

*) Напомнимъ, что рабочее населеніе Петербурга пополняется преимущественно изъ самыхъ сѣверныхъ губерній, съ населеніемъ разрѣженнымъ.

станіе имѣло бы въ Россіи какія бы то ни было шансы успѣха, только если бы оно сопровождалось возстаніемъ по крайней мѣрѣ всей прилегающей къ столицамъ области. Но въ этомъ отношеніи важно то обстоятельство, что монархическія преданія въ Россіи особенно сильны именно въ центральной великорусской области, въ которой они, конечно, сильнѣе, чѣмъ не только, напр., въ Польшѣ, Украинѣ, на Кавказѣ, но даже, чѣмъ въ Низовомъ Поволжьи и въ Сибири. Если гдѣ въ Россіи коренятся условія возникновенія — говоря языкомъ «Н. В.» — Вандеи, то именно въ Великороссіи, и, быть можетъ, прямо въ Москвѣ,—а вовсе не на окраинахъ, особенно западныхъ и южныхъ. О Польшѣ нечего долго и распространяться: Польша могла бы быть, если не Вандеей, то убѣжищемъ династіи только тогда, когда бы революція въ Россіи приняла централистическій и за тѣмъ неизбѣжно великорусскій, а далѣе также неизбѣжно обрусительный характеръ, — и когда бы поляки сочли для себя выгоднымъ столковаться съ династіей Романовыхъ, подобно тому, какъ разные народы Австріи, угрожаемые централизмомъ нѣмецкихъ и венгерскихъ либераловъ и революціонеровъ въ 1848—49 гг., предпочитали столковываться съ династіей Габсбурговъ. Вообще Польша никогда на всероссійскую централизацію не пойдетъ. Конечно, теперь, пока революціонное движеніе въ Россіи имѣетъ только отрицательное значеніе, поляки (преимущественно

молодежь) могутъ принимать участіе во всякихъ готовыхъ русскихъ революціонныхъ кругахъ, но никогда ни польская интеллигенція, ни польская масса не откажется отъ автономіи своей страны и при первомъ удобномъ случаѣ поднимет ея знамя,—такъ что, если бы, напр., въ Петербургѣ дѣйствительно образовалось временное правительство, которое обратилось бы къ населенію Россіи съ призывомъ прислать представителей въ земскій соборъ, то поляки, по всей вѣроятности, образовали бы свое временное правительство, а далѣе свой сеймъ въ Варшавѣ *).

Что касается до Украины, то, такъ какъ ея независимость была подавлена еще въ к. XVII в., и такъ какъ, вслѣдствіе этого, значительная часть ея интеллигенціи, на бѣду свою и массы народа въ этой странѣ, оторвалась отъ украинской національности, то, конечно,

*) Послѣ того, что мы говорили въ статьяхъ «Историческая Польша и Великорусская Демократія», мы считаемъ излишнимъ останавливаться здѣсь на томъ, какія компликаціи вызоветъ такой шагъ польскихъ автономистовъ, среди которыхъ, конечно, окажется много сторонниковъ «исторической» Польши, т. е. Польскаго государства съ Литвой, Бѣлоруссіей и половиной Украины, и какъ можетъ воспользоваться «историческими» польскими стремленіями соціальная реакція въ Польшѣ и политическая въ Москвѣ,—а равно и на томъ, что единственное средство выпутаться изъ всяческихъ затрудненій и предупредить обѣ реакціи, состоитъ—въ выработкѣ для всего Востока Европы федерально-демократической программы, независимой отъ всякихъ «историческихъ» централизацій, польскихъ и россійскихъ.

овеликорушенную часть украинской интеллигенціи не такъ трудно привлечь къ всероссійской централистической программѣ, — но только отъ этого привлеченія всего менѣе можно ожидать пользы для дѣла свободы въ Россіи. Все таки изъ всѣхъ т. наз. русскихъ областей въ Россіи монархическія идеи всего слабѣе, а республиканскія всего сильнѣе —на Украинѣ; все таки въ послѣднее время народныя массы проявляютъ наиболѣе духа протеста именно въ этой странѣ: и аграрными волненіями, и городскими движеніями противъ полиціи, и, наконецъ, противуеврейскими безпорядками, которые теперь имѣютъ дикій характеръ, но которые можно бы было направить и на болѣе разумную дорогу. А столично-централистическая программа именно эту страну и лишаетъ корпуса наиболѣе сознательныхъ и организованныхъ борцовъ за свободу! А такъ какъ всѣмъ извѣстно, что именно украинская область дала громадный, даже абсолютно, а тѣмъ болѣе относительно, процентъ членовъ всѣхъ русскихъ революціонныхъ круговъ и средствъ для нихъ,—то выходитъ, что столично-централистическая программа революціонной организаціи въ Россіи предлагаетъ интеллигенціи, вскормленной трудомъ населенія Украины, не только продолженіе несправедливаго и во многихъ отношеніяхъ просто позорнаго передъ исторіей разрыва съ населеніемъ своей родины,—но и безплодную гибель въ странѣ, которая гораздо болѣе способна стать Вандеей, чѣмъ эта «окраина»!!

Мы считаемъ выселеніе извѣстной части украинской интеллигенціи въ Великороссію (черезъ столицы) дѣломъ не только фатальнымъ, съ которымъ надо примириться, разъ когда судьба связала Украину съ московскимъ государствомъ, но даже полезнымъ съ общеевропейской культурной точки зрѣнія. Теперешнее участіе украинскихъ уроженцевъ въ великорусскихъ революціонныхъ кругахъ мы считаемъ явленіемъ, аналогичнымъ съ переселеніемъ украинскихъ духовныхъ, учителей и писателей въ Московію XVII—XVIII в. Великороссія, вслѣдствіе своего географическаго положенія и исторіи (въ томъ числѣ, благодаря московской централизаціи и разворенію такихъ культурныхъ пунктовъ, какъ Новгородъ и Псковъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ даже татарскимъ набѣгамъ) такъ отстала отъ европейскаго міра, что не могла бы скоро войти въ его колею безъ пособія инородческой иммиграціи, въ которой украинцы играютъ роль наиболѣе родственнаго для великоруссовъ элемента, который поэтому можетъ скорѣе, чѣмъ болѣе далекіе иностранцы, ослаблять московское православіе и самодержавіе и усиливать кадры туземныхъ прогрессистовъ *). Но слишкомъ большая эмиграція

*) Украинская иммиграція въ Великороссію совершается, между прочимъ, черезъ учебныя заведенія, искусственно сосредоточенныя въ столицахъ. Тамъ украинская молодежь окончательно отбивается отъ своего края и народа. Почему же Украина даетъ очень большой процентъ учащейся молодежи, это объясняется между прочимъ присутствіемъ въ этой странѣ многочисленнаго мелкопомѣстнаго дво-

ослабляетъ силы страны, изъ которой она исходитъ, а тотъ моральный абсентензмъ, какой, особенно будучи поддержанъ правительственными обрусительными мѣрами, сталъ признакомъ украинскихъ высшихъ классовъ, — парализируетъ всѣ усилія украинскихъ массъ къ улучшенію своего матеріальнаго и нравственнаго положенія *). Этому ненормальному состоянію Украины (которую мы въ данномъ случаѣ беремъ, какъ образецъ положенія, въ какомъ находятся и многія другія области Россіи: Литва, Бѣлоруссія, Бессарабія, отчасти Закавказье) можетъ быть положенъ конецъ только автономіей страны, каковая автономія поставитъ здѣсь лицомъ къ лицу массу народа и интеллигенцію и заставитъ послѣднюю служить первой. Централистическая программа «Народной Воли» вовсе не обѣщаетъ такой автономіи. Она не показываетъ даже въ будущемъ

рянства и другихъ соотвѣтственныхъ ему слоевъ населенія, которыхъ нѣтъ въ Великороссіи. Замѣтимъ, что простонародье украинское вовсе не эмигрируетъ въ Великороссію,—кромѣ развѣ, и то въ ничтожномъ количествѣ, на дальній юговостокъ.

*) Мы позволимъ себѣ отослать къ нашимъ книгамъ, «Передньє Слово до Громады» и «Нові українські пісні про громадські справи» (1764—1880), тѣхъ, кому бы показалась парадоксальною мысль, что на Украинѣ съ XVIII в., когда ополяченная и овеликорушенная интеллигенція почти поголовно отказалась служить массѣ народа, сама эта масса силилась продолжать прогрессивную исторію страны: крестьянскими возстаніями, эмиграціею, возстаніями противъ польскихъ революцій, аграрными волненіями, пѣснью, новеллою, сатирою, штундою и т. д.

ничего опредѣленнаго, кромѣ всероссійскаго или, какъ говоритъ «Н. В.», «общерусскаго» земскаго собора, который займетъ мѣсто временнаго революціоннаго правительства, послѣ того, какъ оно само займетъ мѣсто нынѣшняго императорскаго правительства. Уже этотъ всероссійскій соборъ, — который, конечно, «Нар. Воля» считаетъ вполнѣ самодержавнымъ (по крайней мѣрѣ мы нигдѣ не читали въ писаніяхъ народовольцевъ указаній на что либо, ограничивающее власть этого будущаго государя Россіи),—предоставитъ «отдѣльнымъ народностямъ» (конечно, тѣмъ, какія этотъ соборъ признаетъ за отдѣльныя, или далее, по другому выраженію «Н. В.», за «исторически-сложившіяся»),—предоставитъ «право опредѣлить свою политическую связь съ цѣлымъ (непремѣнно съ цѣлымъ!) государствомъ», — и сдѣлаетъ эту уступку «только тогда, когда будутъ установлены (конечно, все таки имъ, новымъ самодержцемъ всея Россіи) общія основы новаго строя» (которыя опять таки ему, собору, угодно будетъ признать за таковыя), — иначе говоря, «отдѣльныя народности» или, что все равно, разныя области, нынѣ порабощенныя все таки великорусскому государству и безконтрольно управляемыя императорскою бюрократіею, получатъ автономію т о л ь к о т о г д а, когда это найдетъ нужнымъ новый самодержавный властелинъ всѣхъ народовъ и областей Россіи, и, конечно, получатъ т о л ь к о т а к у ю автономію, какую захочетъ отпустить имъ этотъ властелинъ.

Судя по всему, что дѣлали на свѣтѣ всѣ властелины, коллективные, какъ и личные,—ожидать народамъ и областямъ Россіи даже этого *тогда* пришлось бы долгонько!

Слова нѣтъ, — если бы теперешній русскій самодержецъ, по собственной ли иниціативѣ, или уступая напору общественнаго мнѣнія, согласился созвать хоть самый плохонькій земскій соборъ, хотя бы изъ делегатовъ теперешнихъ земствъ,—это былъ бы шагъ впередъ, который бы былъ принятъ радостно во всѣхъ областяхъ Россіи. Но и тогда первое дѣло этаго собора должно бы быть *установленіе неприкосновенности и свободы* лицъ, *группъ и національностей*, а *также самоуправленія областей*, т. е. *установленіе правъ основныхъ* и для *элементовъ реальныхъ*, — *правъ неприкосновенныхъ* и *неотчуждаемыхъ* ни для *кого* и ни для *чего*, въ томъ числѣ и для т. наз. *цѣлаго государства*, которое, *сравнительно съ этими элементами*, *есть фикція*. Если же сынамъ національностей и областей Россіи надо будетъ литъ свою кровь въ революціи, чтобъ добиться представительнаго правленія, то пріобрѣтеніе самодержавнаго всероссійскаго земскаго собора, въ которомъ гегемонія непремѣнно достанется великоруссамъ, особенно центральныхъ областей, слишкомъ малое вознагражденіе за кровь для населенія невеликорусскихъ «окраинъ». Если уже добиваться революціонныхъ

земскихъ соборовъ, то окраинамъ этимъ всего естественнѣе имѣть свои, областные соборы, которые уже отъ себя установятъ «общія основанія политическаго союза цѣлаго государства», если найдутъ это нужнымъ. Къ тому же только прочное установленіе областной свободы, положивъ непереходимыя ограниченія для центральной власти, можетъ оградить и всю Россію отъ послѣ-революціонной реакціи и распространенія на всю страну диктатуры вандейской контръ-революціи, каковая, повторяемъ, скорѣе можетъ организоваться въ центральныхъ областяхъ московскаго государства, чѣмъ въ менѣе монархическихъ окраинахъ Россіи.

Впрочемъ, говоря это, мы собственно забѣгаемъ слишкомъ далеко впередъ, такъ какъ, вслѣдствіе указанныхъ выше различій въ исторіи разныхъ областей Россіи, самая идея о противу-монархической революціи въ ней гораздо легче найдетъ себѣ сочувствіе именно въ невеликорусскихъ ея окраинахъ *). Какой же послѣ этого смыслъ имѣетъ столично-централистическая программа революціонной организаціи, предлагаемая «Народною Волею»? И не гораздо ли болѣе подходитъ къ Россіи федеральная система даже и въ первый моментъ движенія, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ будетъ гораздо больше шансовъ, что и въ ре-

*) Кромѣ ссылокъ на исторію и на этнографическіе матеріалы, сошлемся даже на корреспонденціи изъ Украины въ самой «Народной Волѣ» и «Черномъ Передѣлѣ» 1881 г.

зультатѣ движенія получится федерація же, которой въ идеалѣ пока еще не смѣютъ отрицать даже самые откровенные русскіе якобинцы?

Если заходитъ рѣчь о приготовительныхъ организаціяхъ для произведенія въ Россіи политическаго переворота, то, по нашему мнѣнію, наиболѣе цѣлесообразнымъ приступомъ къ нимъ было бы образованіе областныхъ революціонныхъ комитетовъ, которые, конечно, должны войти въ союзъ между собою. По обстоятельствамъ дѣла, эти комитеты могутъ оказывать особенную помощь комитетамъ столичнымъ, но безъ всякихъ априорныхъ уступокъ централистической программѣ ни до, ни во время, ни послѣ переворота. Если же,—какъ слѣдуетъ думать, потому что вотъ уже нѣсколько лѣтъ въ Россіи произносится имя «исполнительнаго комитета» или «комитета» «Народной Воли»,—въ Россіи уже существуетъ организація, которая уже по фактическимъ условіямъ, хоть, напр., по отсутствію конкуррентовъ и т. п., получила значеніе всероссійское *), — то наиболѣе цѣлесообразнымъ было бы образованіе около этой организаціи все же областныхъ комитетовъ или, если хотите, субъ-комитетовъ, на первыхъ порахъ хотя бы только для мѣстностей, которыхъ оригинальности очевиднѣе и которыя

*) О старомъ «исполнительномъ комитетѣ» 1878—1880 гг., впрочемъ, еще вопросъ,—можно ли назвать его столичнымъ, или даже русскимъ — великорусскимъ,—по составу и даже по мѣсту его дѣятельности.

дали уже не мало членовъ и для русскихъ революціонныхъ круговъ,—напр., образованіе комитетовъ для центральныхъ, низовыхъ и уральскихъ областей Великороссіи, для Польши, для Украины, для Кавказа. За тѣмъ не замедлили бы образоваться комитеты для Литвы, Бессарабіи, Бѣлоруссіи, Остзейскихъ провинцій и т. п. Если бы эти комитеты на первыхъ порахъ и не сдѣлали ничего, кромѣ указанія мѣстныхъ условій и зацѣпокъ для пробужденія въ населеніи ихъ областей мысли о необходимости политическаго переворота, то и тогда они принесли бы огромную пользу. Но, конечно, на этомъ дѣло не остановилось бы.

Дальнѣйшій успѣхъ переворота зависѣлъ бы въ значительной степени отъ умѣнья и энергіи областныхъ комитетовъ, а дальнѣйшее согласіе этихъ комитетовъ между собою и съ комитетомъ центральнымъ, если бъ таковой найденъ былъ нужнымъ, — зависѣло бы, главнымъ образомъ, отъ степени искренности признанія всѣми ими, въ томъ числѣ и комитетомъ центральнымъ, принципа равноправности всѣхъ народностей, историческихъ и неисторическихъ, а также принципа автономіи областей, — однимъ словомъ, принципа федеральнаго, — и отъ степени умѣнья центральнаго комитета различать солидарность, — вещь необходимую, — отъ централизаціи, — вещи излишней или даже прямо вредной.

М. Драгомановъ.

Genève, Imprimerie de la *Parole libre*, chemin Dancet, 1.